

тера. Соответственно и в Толстом видит он мыслителя, который «приближается к социализму»⁴.

В 90-е годы Мигель де Унамуно работает над романом «Мир в войне» («Paz en la guerra», 1897). В этом первом романе испанского писателя можно обнаружить ростки всех основных положений его будущей философской концепции. На генетическую связь этого произведения с «Войной и миром» Толстого читатели обратили внимание сразу же после выхода романа в свет⁵. Писатель не скрывал, что в ходе работы над «Миром в войне» он внимательно изучал роман Толстого. В одном из его писем этого периода мы читаем: «У меня теперь роман „Война и мир“, который мне очень нравится и из которого я почерпнул очень много, так как я тоже посвятил себя работе над темой войны и мира. Основная концепция, мой стиль, моя точка зрения — все это теснейшим образом связано с ним»⁶.

Влияние Толстого заметно уже в самой концепции войны. Унамуно показывает невозможность для человека, участвующего в военных действиях, понять смысл и цель происходящего. Игнасио, одному из главных героев романа, кажется, что на полях сражений, в которых он участвует, царят паника и неразбериха. В другом месте обращает на себя внимание мысль о том, что все происходящее совершается независимо от желания и расчетов командного состава, по каким-то неведомым, стихийным законам: «Дикари! — кричал офицер в то время, как он бежал вместе со всеми, увлекаемый толпой, как спутник планетой... Кто командовал броском? Обстоятельства, характер момента, кто угодно»⁷.

Философско-исторические взгляды русского писателя, сконцентрированные в эпилоге «Войны и мира», послужили для Унамуно фундаментом для выработки собственной оригинальной концепции «интраистории», которая впоследствии станет одним из важнейших компонентов его историко-философской доктрины.

Политическая и военная история, по Унамуно, не представляет никакого интереса, а все свое внимание исследователь человеческого общества должен сосредоточить на повседневной человеческой жизни. Только эта жизнь является подлинной. По его мнению, факты так называемой истории могут ввести в заблуждение, они зыбки и мимолетны. Подлинным фактором является квинтэссенция внешней истории, ее «осадоки»: душа народа, его язык и культура — «интраистория», по терминологии Унамуно. «Нерв повествования, — пишет И. А. Тертерян, — народная жизнь, которая медленной рекой течет в дни войны и дни мира, неизменная, не зависящая от событий, отраженных в военных сводках»⁸. Поиски Унамуно субстрата «интраистории» чрезвычайно интересны. Он пытается показать, как во время войны история врывается в «интраисторию», врывается посредством негативной, с его точки зрения, энергичной деятельности так называемых исторических личностей. Крестьяне Унамуно («тихие люди, соль земли, те, кто не кричат в истории»⁹) не понимают войны.

Не случайно, однако, уже в самом названии романа подчеркнута не только преемственность, но и полемика с Толстым. Акцент в ней сделан именно на мире, точнее, на мире в войне, поисках этого мира, обосновании его возможности и необходимости. По мнению Унамуно, человеку следует ограждать себя от всего, что с ним происходит, тем, что он «есть». Это единственный путь, на котором можно обрести мир во время войны.

⁴ *Unamuno M. de. Cartas inéditas*, p. 228. Сведения о социалистической деятельности писателя имеются в ст.: *Blanco Aguinaga C. El socialismo de Unamuno*. — «Revista de Occidente», agosto, 1966.

⁵ См., например: *Gómez de Baquero E. «Paz en la guerra» por M. de Unamuno*. — «España Moderna», abril, 1897, p. 126.

⁶ *Unamuno M. de. Cartas inéditas*, p. 173.

⁷ *Unamuno M. de. Paz en la guerra*. Buenos Aires — México, 1952, p. 189.

⁸ *Тертерян И. А. Указ. соч.*, с. 80.

⁹ *Unamuno M. de. Paz en la guerra*, p. 68.